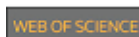

Яхутль Ю. А. Повстанческое движение в казачьих регионах Юга России: причины и политические формы в 1920—1924 годах / Ю. А. Яхутль, В. В. Касьянов // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 428—442. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-428-442.

Yakhutl, Yu. A., Kasyanov, V. V. (2020). Insurrectionary Movement in the Cossack Regions of the South of Russia: Causes and Political Forms in 1920—1924. *Nauchnyi dialog*, 8: 428-442. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-428-442. (In Russ.).

УДК 94(470.62)“1920/1924”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-428-442

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАЗАЧЬИХ РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В 1920—1924 ГОДАХ

© Яхутль Юрий Асланбиевич (2020), orcid.org/0000-0002-6750-4110, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Россия), a075ca@yandex.ru.

© Касьянов Валерий Васильевич (2020), orcid.org/0000-0002-9844-1802, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Россия), culture@kubsu.ru.

На примере повстанческого движения казаков и крестьян Дона и Кубани в начале 1920-х годов рассматривается один из сложных вопросов истории перехода от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Выявлены причины и проявления повстанчества на Юге России в 1920—1924 годах, его влияние на содержание реформ в регионе. Установлены особенности «бело-зеленого» движения в южнороссийских станицах, обусловленные исторически сложившимися порядком землепользования, формами станичного самоуправления, сословным и классовым составом населения. Отмечается, что актуальность исследования возрастает в контексте переосмысления реформ российского общества, необходимости укрепления социальной базы реформ и разрешения конфликтов. Новизна исследования видится в том, что впервые рассматривается повстанческое движение не как классовое противостояние, а как противостояние власти и южнороссийского сообщества, представленного различными сословными, классовыми группами и общественно-политическими движениями. Установлены факторы регулирования конфликта при переходе к нэпу. Автор приходит к выводу, что принуждение к миру казачьих регионов Юга России произошло посредством не только активного применения регулярных частей Красной армии и силовых структур, но и компромиссных решений, ставших основой для начала экономических реформ.

Ключевые слова: повстанцы; конфликт; Юг России; казачество; причины; формы.

1. Введение

Повстанческое движение казаков и крестьян на Юге России в 1920—1924 годах вызывает интерес политической направленностью, региональными особенностями. Переосмысление темы даст возможность лучше понять факторы перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике.

Хронологические рамки работы определены, с одной стороны, мартом марта 1920 года, когда Добровольческая армия эвакуировалась в Крым, с другой — осенью 1924 года. Верхняя граница специфична для каждой из областей: Донской, Кубано-Черноморской и Терской. Раньше всего мятежи подавлены на Дону, позже всего — в горных и приморских местностях Терека и Кубани.

В советской историографии повстанческое движение 1920-х годов рассматривалось как проявление классового противостояния в деревне. В. И. Ленин в докладе на X съезде РКП(б) использовал термин *бандитизм* применительно к демобилизованным красноармейцам и дезертирам, недовольным «военным коммунизмом» [Ленин, 1977, с. 10]. Авторы работ 1920-х годов — военачальники и партийно-советские работники — уделяли основное внимание военному аспекту, но отмечали сложное переплетение классовых и сословных факторов повстанческих выступлений, их политическую неоднородность [Буйский, 1927], [Кубанин, 1925, с. 98—129]. В исследованиях 1930—1980-х годов «политический бандитизм» рассматривался лишь в контексте противостояния власти с антисоветскими группировками внутри страны и в эмиграции [Трифонов, 1960], [Голинов, 1978, кн. 2, с. 51], [Степаненко, 1972]. Историки расценивали антибольшевистские выступления как классовые, обусловленные интересами кулачества и офицерства.

Качественные изменения в историографии происходят с 1990-х годов, когда появилась возможность без идеологических ограничений осмыслить события. Исследователи рассматривают движение казаков и крестьян как многофакторное явление, как одну из причин, вынудивших большевиков перейти к нэпу [Баранов, 2005, с. 119—129; Баранов, 2018, с. 184—195; Грищенко, 2009; Жупикова, 2004, с. 159—169; Жупикова, 2016, с. 12—13; Кратова, 2006, с. 117—129; Чернопицкий, 1998, с. 3—12; Яблочкина, 2000], обосновывают причины повстанческого движения — протест хлеборобов против продразвёрстки и передела земель, разрушения казачьего самоуправления [Филин, 2007, с. 7; Черкасов, 2007]. Достижения современной историографии обобщены в работе [Кринко и др., 2009, с. 76—82].

В постсоветский период произошло переосмысление антибольшевистских выступлений. Историки стали рассматривать явление во взаимосвязи

с курсом партийных органов в регионе, анализируя общественное мнение и политические группировки земледельцев [Жупикова, 2004, с. 160; Сатарова и др., 2017, с. 66—69].

Источниковой основой статьи стали архивные материалы Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Центров документации новейшей истории Ростовской области и Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области, опубликованные документы партийных и советских органов, ВЧК-ОГПУ. Источники дают возможность изучить экономические и социальные причины конфликта, общественное мнение казаков и крестьян, социальную опору повстанцев, их лозунги, этапы и формы антибольшевистских выступлений, решения органов власти [Берелович и др., 1998, т. 1; Шанин и др., 1997].

2. Повстанческое движение на Дону и Кубани: причины и особенности

Антибольшевистские вооружённые выступления в казачьих регионах Юга России вызывались долгосрочными экономическими, социально-классовыми и политическими условиями. Юг России — один из лидеров аграрной экономики. Геополитическое положение региона вызывало интерес европейских государств и Турции. Влияние иностранных спецслужб не имеет прямых доказательств, но есть косвенные данные об их наличии [Николин и др., 2005, с. 110—113]. Это проявлялось в координации действий повстанческих отрядов и их кадровом, материально-техническом обеспечении из-за границы [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 116, л. 1].

Важен и демографический фактор. Население Юга России (Дона, Кубани и Терека) в 1917 году на 83 % проживало в сельской местности. Соотношение сословных групп хлеборобов неравномерно, наибольший удельный вес казаков — в Донской и Кубанской областях (до 44 % населения). Если на Дону и Кубани основной конфликт был на почве сословного неравенства, земельных и налоговых привилегий казаков, то есть конфликт был внутри русского населения, то на Тереке основные противоречия — между казаками и горскими народами. «Иногородние» крестьяне — это переселенцы в первом-втором поколениях, не имевшие прав владеть земельным паем, они вынуждены были арендовать угоды или временно пользоваться наделом, батрачить. Коренное крестьянство — более давние переселенцы, получившие право общинного владения землёй [Жупикова, 2016, с. 77]. Казачьи хозяйства превосходили по обеспеченности землёй и товарности хозяйства «среднерусских» крестьян [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 3, л. 3].

По расчётам Е. Ф. Жупиковой, хлеборобы Юга имели больше земли, чем в среднем по стране. В среднем хозяйство насчитывало 9,84 дес. посева на Дону и 7,7 дес. посева на Кубани, а на душу населения засевалось по 1,2 дес. (в среднем по России — 0,7 дес.) [Жупикова, 2007, с. 189—192].

Большая часть (80 %) угодий находилась в пользовании казаков, но лишь 5,2 % их угодий являлись частными наследственными, а свыше 80 % были в коллективном общинном пользовании. Земельный надел определен законодательством в 30 дес., но фактически снизился до 4—5 дес., особенно в густозаселённых равнинных районах [Перехов, 1997, с. 25; Яблочкина, 2000, с. 34—40].

Важен вопрос о причинах конфликта. Общероссийскими факторами ожесточённости конфликта были земельный и продовольственный вопрос, а на Юге РСФСР — и проблема казачьего самоуправления. В начале марта 1920 года Первый Всероссийский съезд трудового казачества в резолюциях, подготовленных Л. Б. Каменевым и Д. В. Полуяном, сохранил особый порядок землепользования, обещал амнистию рядовых казаков — участников белого движения. Совет народных комиссаров РСФСР издал 25 марта 1920 года декрет «О строительстве Советской власти в казачьих областях» [СУ РСФСР, 1920, с. 175—176]. Эти решения были направлены на установление компромисса с трудовым казачеством. Но о сохранении автономий речь не шла, для большевиков казачество было сословием, а не национальностью.

К лету 1920 года политика «военного коммунизма» стала проводиться на Юге РСФСР в полном объёме, что диктовалось продолжением Гражданской войны и продовольственным кризисом. Ужесточение продразверстки, передача трудовых наделов земельным коммунам, «расказачивание», массовое взятие заложников и их расстрелы кардинально изменили обстановку, спровоцировав мятежи. Такие решения (лето 1920 — начало 1921 годов) разрушали принципы землепользования (большевики на словах признавали трудовое общинное землепользование) и местное самоуправление.

По мере разворачивания уравнительного земельного передела и продразвёрстки большинство казаков перешло на сторону антибольшевистских сил. По признанию коммунистов, даже первые ревкомы активно помогали «бело-зеленым», демонстрируя неприятие продовольственной политики. Среди казаков пошли слухи о шаткости советской власти, что должно было привести к врангелевским десантам и интервенции [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 87, л. 1]. Меры «военного коммунизма» спровоцировали мятежи. С июня по август 1920 года движение «бело-зеленых» стало массовым.

На Юге России можно наблюдать изменение движущих сил повстанцев за 1920—1924 годы. На начальном этапе основой отрядов были солдаты и офицеры Белой армии, зажиточная часть казачества [ЦДНИКК, ф. 1774-р, оп. 2, д. 207, л. 6]. Летом 1920 года инициатива по формированию повстанческих отрядов принадлежала офицерам Белой армии. Они приступили к наступлению, захватывая станицы и хутора, уничтожая советские органы. Возникла угроза свержения советской власти. Особую опасность представляла «Армия возрождения России» под командованием М. А. Фостикова в верховьях р. Кубань. Вопрос о численности повстанцев спорный. По данным М. А. Фостикова, его силы составляли до 25 тыс. чел., по мнению историков — от 12 до 30 тыс. [Стрелянов, 2002, с. 182—185]. На Дону для противостояния врангелевскому десанту Ф. Д. Назарова и махновцам проведена мобилизация 400 коммунистов в городе Ростове-на-Дону и 10 % членов партии в сельской местности. Донской округ дважды подвергался нападению анархистов. В пределах нижнего Дона действовали отряды Свекольника, Северякина, Назарова. Два месяца они вели активные бои, но потерпели поражение [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 1, лл. 18, 65].

Положение осложнилось настолько, что в августе 1920 года повстанцы Кубани на съезде 12 июля 1920 года в станице Курджипской приняли решение о создании народных комитетов по примеру казачьего самоуправления, призывая к разгону ревкомов [ЦДНИКК, ф. 1774-р, оп. 1, д. 529, л. 5]. Но большинство кубанских и донских казаков отвергли монархическую программу «Армии возрождения России» и врангелевцев.

Рост восстаний вынуждал власть усилить репрессии. Они усугублялись неправомерными действиями местных органов власти (ревкомов, Советов, партийных ячеек), их бюрократизмом и игнорированием местных условий. В сентябре 1920 года ВЧК поделила области на участки, создала сеть осведомителей, собрала сведения об участниках и родственниках повстанцев, приняла карающие меры с участием частей РККА. Особые комиссии расстреливали участников мятежей, а членов их семей выслали в Архангельскую губернию. Органы власти Кубано-Черноморской области создавали «пятерки». Командующий 1-й Конной армии С. М. Будённый разрешал «пятеркам» выносить смертные приговоры, а членов семей «белобандитов репрессировать» [ЦДНИКК, ф. 1774-р, оп. 2, д. 316, л. 3]. Власть получила поддержку бедняцкого слоя казаков и крестьян [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 249, лл. 2, 3, 17]. Аналогичная политика проводилась и в Донской области, где появление врангелевского десанта и повстанцев повлекло за собой репрессии против части казачества, не вызывавшего доверия властей [ГАРО, ф. р-97, оп. 1, д. 219, л. 13].

Юг страны находился в состоянии острого конфликта и после полномасштабной Гражданской войны — зимой 1920—1921 годов ввиду ужесточения мер «военного коммунизма». Насколько сложна обстановка, свидетельствует стенограмма II Кубано-Черноморской областной конференции РКП (б) (20—22 февраля 1921 года). Её делегат Даниленко полагал: «У нас на Кубани положение скверное под влиянием продовольственной продразверстки. В городах ситуация не лучше. Отсутствует связь партийных ячеек с областным комитетом. Сейчас среди местных коммунистов есть мнение проводить политику 1918 года в ежовых рукавицах» [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 80, л. 11]. В ряде волостей местные органы власти объявили осадное положение, создавая чрезвычайные штабы [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 110, л. 7].

После замены продразвёрстки на продналог ситуация изменилась, но не кардинально. К лету 1921 года продналог взимался принудительными методами, он был дополнен единовременным продовольственным нарядом, станицы-неплательщики блокировались войсками без права подвоза продуктов. В условиях перехода к нэпу большевики разнообразили тактику. Северо-Кавказское краевое военное совещание 21 июля 1921 года издало приказ о помиловании добровольно сдавшихся «бело-зеленых». Объявлялась амнистия всем, кто вовлечен в повстанчество, включая командиров отрядов.

3. Характер и движущие силы повстанческого движения

Идейное содержание требований повстанцев нашло отражение в их документах. Степень радикализма повстанческого движения определялась аграрной политикой власти, насильственным изъятием продовольствия и земли, что вызывало рост недовольства, особенно зажиточных и середняцких слоёв казачества.

Программные документы и лозунги повстанцев демонстрировали неприятие большевизма как идеологии и системы власти, но отторжения Советов мы не наблюдаем. На Кубани и Дону лозунг «Советы без коммунистов» популярен. Отличительная черта политических лозунгов в казачьих регионах Юга России — идеи «самостийности», понимавшиеся противоречиво: от сословной автономии до сепаратизма. Лозунг самостийности преобладал среди большей части повстанцев, которая представляла казачье население Дона и западной части Кубани (черноморских казаков). На востоке Кубани (среди линейных казаков) и в терском казачестве преобладала идея «единонеделимой» России. Равенство сословий стало одним из призывов повстанцев, но оно понималось ограниченно. Мятежники требовали сохранения форм станичного самоуправления в соответствии

с Положением от 31 июля 1891 года, выселения из областей мигрантов, прибывших с 1913 года.

Среди казаков и крестьян сохранялись монархические чувства, но их влияние не было массовым, казаки и крестьяне разочарованы аграрной политикой монархии, а также политикой Добровольческой армии. Монархизм проявлялся в наибольшей мере среди белого офицерства и части интеллигентов, а не рядовых казаков. Среди влиятельных вожakov-повстанцев монархистами считали себя только М. А. Фостиков (командующий «Армией возрождения России» летом 1920 года) [РГВА, ф. 192, оп. 2, д. 431, л. 53], М. Н. Жуков и Е. Дубина [РГВА, ф. 192, оп. 3, д. 1424, л. 45].

Анархические лозунги не нашли массовой поддержки на Юге. Казачьи регионы — Дон, Кубань — не имели социальной базы распространения анархизма ввиду традиционной поддержки крепкой власти казачеством [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 1, лл. 65, 110].

Напротив, эсеровские лозунги «трудовластия» популярны, имели определяющее значение в листовках и приказах повстанческих организаций. Движущей силой повстанчества выступало на Дону и Кубани зажиточное казачество, в руководящем составе офицеры белого движения, а по мере разрастания движения и бывшие командиры РККА, и демобилизованные красноармейцы, и дезертиры.

Именно бывшие красные командиры стали носителями лозунгов: «Советы без коммунистов», «Да здравствует Советская власть без коммунистов» [ЦДНИКК, ф. 1774-р, оп. 1, д. 529, л. 12]. Яркий пример на Дону — Г. С. Маслаков, командир 19-го полка 1-й Конной армии. Из-за личного конфликта в феврале 1921 года он дезертировал из РККА вместе с односельчанами. Позже взгляды Г. С. Маслакова изменились на эсерово-меньшевистские. Бывший красный командир Захарченко тоже использовал этот лозунг.

К данному течению относились бывшие члены Казачьей секции Кубано-Черноморского областного ревкома М. П. Пилюк и П. А. Савицкий, перешедшие в конце 1920 года на сторону мятежников, а также вожаки отрядов — Захарченко, В. Н. Серебряков (Даутоков), Сычѳв, В. Ф. Рябокoнь и др. [РГВА, ф. 25896, оп. 2, д. 42, л. 50]. Их отряды насчитывали 1200—1800 чел., выступали под лозунгом «Да здравствует Советская власть, долой коммунистов» [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 11, лл. 1, 1 а, 1 г].

Несмотря на идейное разнообразие движения и малограмотную форму призывов, в 1921 году можно выделить ядро лозунгов: справедливое распределение земли, отмена продразвѳстки, сохранение личной собственности на землю, свободная торговля и предпринимательская деятельность, созыв Учредительного Собрания, равные выборы в Советы без коммуни-

стов, республиканская форма правления, соблюдение гражданских прав. Эти лозунги содержатся в листовках политотдела «Кубанской повстанческой армии», имевшей в июне — сентябре 1921 года штаб в предгорной лесной полосе вблизи города Горячий Ключ под командованием генерала М. А. Пржевальского. Близкие призывы выдвигала и крупная группировка под командованием полковника В. Серебрякова (Даутокова) на Верхней Кубани и в Пятигорье, разгромленная в 1921 году. Преобладали лозунги в духе правых эсеров. В 1921 году движение на Кубани находилось под влиянием «самостийников», которые готовили всеобщее восстание к осени 1921 года. План предусматривал захват города Краснодара и провозглашение Кубанской республики. Такие цели не находили поддержки части повстанцев — сторонников монархии.

Повстанчество имело сезонный характер — зависело от сельскохозяйственных работ. Так, на Тамани летом 1921 года насчитывалось до 300 активных повстанцев [ГАКК, ф. р-102, оп. 1, д. 410, л. 23]. В районе станицы Саратовской действовал отряд до 500 чел. В Тимашевском отделе воевал отряд «Дивизия помощи Русской Армии» до 400 чел. из врангелевцев, в Причерноморье — отряды под руководством офицеров Корсюка и Ростовцева. Отряды офицеров Филимонова, Ерошина, Селюкова контролировали Славянский отдел [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 120, л. 11], [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 115, лл. 1—3].

Применение регулярных частей РККА вызвало поражение крупных соединений повстанцев на Кубани под руководством М. А. Пржевальского, М. П. Пилука и др. в сентябре — октябре 1921 года. Кроме военного превосходства РККА, важно наличие политических противоречий среди «бело-зеленых». Так, после создания «Кубанской повстанческой армии» во главе с М. А. Пржевальским, насчитывавшей до 5 тыс. штыков, возник конфликт командующего с Политическим отделом КПА. От Пржевальского требовали отказаться от политического руководства, сосредоточившись на военном. Это внесло раскол в группировку, она распалась 27 сентября 1921 года после сражений с 1-й Конной армией.

Партийные и советские органы находились под постоянной угрозой, что побуждало их усиливать репрессии. Партийная организация переведена на военное положение, была организована мобилизация 200 коммунистов. Предложено объявить заложниками 10 тыс. чел. [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 111, лл. 1, 1а, 1 г]. Расстрелы заложников в сентябре — октябре 1921 года охватили 372 чел., в том числе больше всего пострадали жители станицы Динской — 102 чел. Приговор приводился в исполнение по решениям чрезвычайных «троек» [ГАКК, ф. р-382, оп. 1, д. 394, л. 16].

Но и в 1922 году продолжали действовать небольшие отряды численностью до 50 чел. Часть населения проявляла недовольство в ходе «хлебных бунтов», вызванных принудительным сбором продналога. При подготовке V Кубано-Черноморской областной конференции РКП(б) собрана информация о количестве бело-зеленых отрядов и их составе. Их число разительно отличалось от показателей 1921 года — осталось лишь 300 активных участников повстанческого движения по сравнению с «десятками тысяч» в 1921 году [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 204, л. 93]. Притом данные о составе большинства отрядов, где проводилась значительная ротация личного состава, свидетельствуют о завышении числа участников «бело-зеленого» движения [РГВА, ф. 58, оп. 1, д. 58, лл. 61, 61 об]. Государственная информационная сводка ОГПУ 7 марта 1923 года содержит вывод: «Мечты казачества об автономии изжиты <...> Остатки отрядов небоеспособны, чисто уголовные...» [Севостьянов, 2001, т. 1, ч. 2, с. 815].

Определяющим в стабилизации обстановки стал компромисс в аграрной политике. Спад повстанческого движения к началу 1923 года обусловлен не только военным превосходством РККА над повстанцами и репрессивными мерами (институт заложничества), но и отказом значительной части населения поддерживать мятежи [Кратова, 2006, с. 118—119]. Усталость населения от войны проявлялась на сходах, где появились лозунги: «Долой бандитов!», «Хватит крови!». Казачество переходило к восстановлению хозяйства, к мирному труду [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 327, л. 10]. По мнению руководства Юго-Восточной краевой организации РКП(б), «политический бандитизм» вырождался в уголовный. На октябрь 1924 года на Кубани насчитывалось всего две «банды» численностью 19 чел., в Майкопском округе — одна «банда» в составе 12 штыков и в Армавирском округе — два отряда численностью 20 сабель [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 354 а, л. 12]. Сельское население, уставшее от войны, готово было принять условия правительственных уступок в рамках начатых реформ нэпа. В особенности положительное значение имели принятие в 1922 году Земельного кодекса РСФСР, гарантировавшего неприкосновенность трудового общинного землепользования, роспуск многих земельных коммун, проведение беспартийных конференций казаков и крестьян, введение единого сельскохозяйственного налога в денежной форме [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 286, лл. 1—5]. Осенью 1924 года проводится амнистия части эмигрантов и рядовых участников белого движения, повстанцев, они получают гражданские права. Последние очаги выступлений ликвидированы в приазовских плавнях (отряд В. Ф. Рябоконя) и высокогорной части Кавказа (отряд Белова).

4. Выводы

Итак, антибольшевистские выступления стали продолжением Гражданской войны в региональных условиях. Комплекс сложных причин породил повстанческое движение на Юге России. К объективным долгосрочным причинам необходимо отнести глубокий кризис крестьянского хозяйства в 1914—1922 годах, вызванный войной и политикой «военного коммунизма», сословную и классовую нетерпимость, попытку форсированного перехода к социализму, некомпетентность партийно-советских работников, подрывное влияние иностранных спецслужб и эмиграции.

Политика «военного коммунизма», рецидивы которой в виде насильственного изъятия продналога и ограничений торговли, расказачивания проявлялись до 1923 года, столкнулась с прочными рыночными и сословными традициями южнороссийской станицы. Политика государственного регулирования хозяйства в годы «военного коммунизма» не нашла поддержки крестьян и казаков, вызвала их сопротивление. Часть повстанцев, особенно представители белого движения, ставили цель свержения советской системы. Большинство желало сохранить советскую власть, но совместить её с общинной собственностью, свободой частной торговли, многопартийностью. В повстанческом движении отсутствовала единая идейная платформа, которая могла бы объединить все социальные слои. Это проявляется в сравнении этапов повстанчества. Так, на этапе 1920 года преобладали монархические лозунги «единой и неделимой России», а в 1921—1922 годах — «самостийные» призывы в правоэсеровском духе; в 1923—1924 годах движение постепенно утрачивает политические цели и распадается на действия уголовных банд.

Протестные выступления казаков и крестьян стали следствием неприятия «военного коммунизма» и исхода Гражданской войны, стали одной из основных причин перехода к нэпу и начала относительного гражданского примирения середины 1920-х годов. Поворотным пунктом в конфликте стал затяжной переход к нэпу. Преодоление повстанчества стало возможным благодаря формированию институтов компромисса, проведению в 1922 году беспартийных крестьянских конференций. На завершающем этапе повстанческого движения постепенно социальные противоречия, основанные на имущественном неравенстве, выходят на первое место в сравнении с сословными. В 1922 году большевики согласились на уступки. В противостоянии крестьяне и казаки получили максимально возможные экономические (продналог) и политические (сохранение сельского схода как органа общинного самоуправления) преференции.

Разгром повстанчества в 1924 году, открыл возможности для амнистии эмигрантов и участников мятежей, для смягчения земельной, налоговой и социальной политики РКП(б), для введения мер создания «советского казачества». Советская система продемонстрировала устойчивость и способность подавлять антиправительственные выступления, сочетая силу и демонстрацию заинтересованности в мирном хозяйственном возрождении региона, что вынудило к миру казачество Юга России, уважавшее сильную власть. Конфликт завершился военным поражением повстанцев, но не полной победой власти, а политикой компромисса.

Источники и принятые сокращения

1. РГВА — *Российский государственный военный архив*. Ф. 58 (Штаб частей особого назначения СССР (ЧОН)). Оп. 1. Д. 58. Лл. 61, 61. об; Ф. 192 (Управление 9-й Кубанской армией). Оп. 2. Д. 431. Л. 53. Оп. 3. Д. 1424. Л. 45; Ф. 25896 (Управление войсками Северо-Кавказского военного округа). Оп. 2. Д. 42. Л. 50.

2. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. Р-102 (Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома). Оп. 1. Д. 410. Л. 23; Ф. Р-382 (Славянский отдельный отдел управления) Оп. 1. Д. 394. Л. 16.

3. ГАРО — *Государственный архив Ростовской области*. Ф. Р-97 (Исполнительный комитет Донского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК). Оп. 1. Д. 219. Л. 13.

4. ЦДНИРО — *Центр документации новейшей истории Ростовской области*. Ф. 4 (Донской областной комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 1. Лл. 18, 65, 110. Д. 3. Л. 3.

5. ЦДНИКК — *Центр документации новейшей истории Краснодарского края*. Ф. 1 (Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)) Оп. 1. Д. 80. Лл. 11. Д. 110. Л. 7. Д. 111, Лл. 1, 1а, 1 г. Д. 115. Лл. 1—3. Д. 116. Л. 1. Д. 120. Л. 11. Д. 204. Л. 93. Д. 249. Лл. 2, 3, 17. 286. Лл. 1—5. Д. 354 а. Л. 12; Ф. 1774-р. (Коллекция документов по истории Кубани). Оп. 1. Д. 529. Л. 5, 12. Оп. 2. Д. 207, Л. 6. Д. 316. Л. 3; Ф. 17 (Краснодарский отдельный комитет РКП (б)) Оп. 1. Д. 87. Л. 1. Д. 327, Л. 10.

6. *О строительстве Советской власти в казачьих областях*: декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 25 марта 1920 г. // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г.* — Москва, 1943. — С. 175—176.

7. *Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939 : документы и материалы : в 4 томах / под редакцией А. Береловича, В. П. Данилова.* — Москва : РОССПЭН, 1998. — Том 1. — 864 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов А. В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920—1924 гг.) / А. Баранов // *Белая гвардия: альманах.* — 2005. — № 8. — С. 119—129.

2. *Баранов А. В.* Роль территориальных органов ВЧК-ОГПУ в преодолении повстанческого движения «бело-зелёных» в Кубано-Черноморской области (1920—1924 гг.) / А. Баранов // *Политическая история России : материалы XV Всероссийских исторических чтений.* — Санкт-Петербург : Любавич, 2018. — С. 184—195.

3. *Без грифа «секретно»*: из истории органов безопасности на Кубани / редактор С. Д. Николин и др. — Краснодар : Советская Кубань, 2005. — Книга 1. — 648 с.
4. *Буйский А.* Красная Армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими восстаниями, повстанчеством и бандитизмом / А. Буйский. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1927. — 80 с.
5. *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР / Д. Голиков. — Москва : Политиздат, 1978. — 399 с.
6. *Грищенко А. Н.* Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920—1922 годах : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / А. Н. Грищенко. — Ростов-на-Дону, 2009. — 28 с.
7. *Жупикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920—1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) / Е. Жупикова // Отечественная история. — 2004. — № 3. — С. 159—169.
8. *Жупикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920—1925 годах / Е. Жупикова // Академия исторических наук : сборник трудов. — Москва, 2007. — Том 1. — С. 189—192.
9. *Жупикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920—1925 гг. / Е. Жупикова. — Москва : Новый хронограф, 2016. — 422 с.
10. *Кратова Н. В.* Формирование повстанческих отрядов на территории Кубано-Черноморской области в 1920—1922 гг. / Н. Кратова // Вестник Южного научного центра РАН. — 2006. — № 1. — С. 117—129.
11. *Кринко Е. Ф.* Советский Северный Кавказ: проблемные зоны отечественной историографии / Е. Кринко, Т. Хлынина // Вестник Южного научного центра РАН. — 2009. — Том 5, № 3. — С. 76—82.
12. *Кубанин М. И.* К истории кулацкой контрреволюции / М. Кубанин // На аграрном фронте. — 1925. — № 7—8. — С. 98—129.
13. *Ленин В. И.* Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б). 8 марта. X съезд РКП(б) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва, 1977. — Том 43. — С. 1—127.
14. *Перехов Я. А.* Власть и казачество: поиск соглашения (1920—1926 гг.) / Я. Перехов. — Ростов-на-Дону : Гефест, 1997. — 140 с.
15. *Сатарова А. П.* Антибольшевистские выступления в верховых районах Дона в 1920—1924 гг. (по материалам Хопёрского и Усть-Медведицкого округов) // А. Сатарова, С. Соловьева // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 9. — С. 66—69.
16. *Степаненко Б. И.* Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920—1922 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук / Б. И. Степаненко. — Ростов-на-Дону, 1972. — 205 с.
17. *Стрелянов (Калабухов) П. Н.* «Армия возрождения России» генерала Фостикова (март—октябрь 1920 г.) / П. Стрелянов (Калабухов) // Белая гвардия: альманах. — 2002. — № 6. — С. 182—186.
18. *Трифонов И. Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937 гг.) / И. Трифонов. — Ленинград : ЛГУ, 1960. — Часть 1. — 278 с.
19. *Филин М. В.* Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918—1922 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / М. В. Филин. — Москва, 2007. — 26 с.

20. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг. : документы и материалы / редактор Т. Шанин, В. П. Данилов. — Москва : Международный фонд Демократия, 1997. — 787 с.

21. Черкасов А. А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917—1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии : диссертация ... доктора исторических наук / А. Черкасов. — Ставрополь, 2007. — 581 с.

22. Чернопицкий П. Г. Повстанческое движение у крестьян и казаков Дона в 1920—1922 гг. / П. Чернопицкий // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 1998. — № 3. — С. 3—12.

23. Яблочкина И. В. Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления, повстанческое движение в Советской России. 1921—1925 гг. / И. Яблочкина. — Москва : Русский дом, 2000. — 218 с.

INSURRECTIONARY MOVEMENT IN THE COSSACK REGIONS OF THE SOUTH OF RUSSIA: CAUSES AND POLITICAL FORMS IN 1920—1924

© Yuri A. Yakhutl (2020), orcid.org/0000-0002-6750-4110, PhD in History, Associate Professor; Department of Russian History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State University” (Krasnodar, Russia), a075ca@yandex.ru.

© Valery V. Kasyanov (2020), orcid.org/0000-0002-9844-1802, Doctor of History, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Russian History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State University” (Krasnodar, Russia), culture@kubsu.ru.

On the example of the insurrectionary movement of the Cossacks and peasants of the Don and Kuban in the early 1920s, one of the most difficult issues in the history of the transition from the policy of war communism to the new economic policy is considered. The reasons and manifestations of the insurrection in the South of Russia in 1920—1924, its influence on the content of reforms in the region are revealed. The features of the “white-green” movement in the southern Russian stanitsas, conditioned by the historically established order of land use, the forms of stanitsa self-government, the estate and class composition of the population, are established. It is noted that the relevance of the study increases in the context of rethinking the reforms of Russian society, the need to strengthen the social base of reforms and conflict resolution. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time we consider the insurrectionary movement not as a class confrontation, but as a confrontation between the authorities and the South Russian community, represented by various estate, class groups and socio-political movements. The factors for regulating the conflict during the transition to NEP have been established. The author comes to the conclusion that the “pacification” of the Cossack regions of the South of Russia took place not only through the active use of the regular units of the Red Army and security forces, but also through compromise decisions that became the basis for the start of economic reforms.

Key words: insurgents; conflict; South of Russia; Cossacks; the reasons; forms.

MATERIAL RESOURCES

berelovich, A., Danilov, V. P. (ed). (1998). *Sovetskaya derevnya glazami VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939: dokumenty i materialy*, 4/1. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

- GAKK — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya*. F. R-102 (Otdel upravleniya Kubano-Chernomorskogo oblispolkoma); F. R-382 (Slavyanskiy otdelskiy otdel upravleniya). (In Russ.).
- GARO — *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti*. F. R-97 (Ispolnitelnyy komitet Donskogo oblastnogo Soveta rabochikh, krestyanskikh, krasnoarmeyskikh i kazachikh deputatov (Donispolkom, DIK). (In Russ.).
- O stroitel'stve Sovetskoy vlasti v kazach'ikh oblastyakh: dekret Soveta narodnykh komissarov RSFSR ot 25 marta 1920 g. (1943). In: *Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy pravitel'stva za 1920 g.* Moskva. 175—176. (In Russ.).
- RGVA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyy arkhiv*. F. 58 (Shtab chastey osobogo naznacheniya SSSR (ChON); F. 192 (Upravleniye 9-y Kubanskoy armii); F. 25896 (Upravleniye voyskami Severo-Kavkazskogo voyennogo okruga). (In Russ.).
- TsDNIKK — *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya*. F. 1 (Kubano-Chernomorskiy oblastnoy komitet RKP(b)); F. 1774-r. (Kollektsiya dokumentov po istorii Kubani); F. 17 (Krasnodarskiy otdelskiy komitet RKP(b)). (In Russ.).
- TsDNIRO — *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti*. F. 4 (Donskiy oblastnoy komitet RKP(b)). (In Russ.).

REFERENCES

- Baranov, A. V. (2005). Povstancheskoye dvizheniye «belo-zelenykh» v kazachykh oblastyakh Yuga Rossii (1920—1924 gg.). *Belaya gvardiya: almanakh*, 8: 119—129. (In Russ.).
- Baranov, A. V. (2018.). Rol' territorialnykh organov VChK-OGPU v preodolenii povstancheskogo dvizheniya «belo-zelenykh» v Kubano-Chernomorskoy oblasti (1920—1924 gg.). *Politicheskaya istoriya Rossii: materialy XV Vserossiyskikh istoricheskikh chteniy*. Sankt-Peterburg: Lyubavich. 184—195. (In Russ.).
- Buyskiy, A. (1927). *Krasnaya Armiya na vnutrennem fronte. Borba s belogvardeyskimi vosstaniyami, povstanchestvom i banditizmom*. Moskva; Leningrad: Gosizdat. (In Russ.).
- Cherkasov, A. A. (2007). *Grazhdanskaya vojna na Kubani i Chernomorye (1917—1922 gg.): «tretaya sila» v sotsialno-politicheskom protivostoyanii: dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk*. Stavropol. (In Russ.).
- Chernopitskiy, P. G. (1998). Povstancheskoye dvizheniye u krestyan i kazakov Dona v 1920—1922 gg. *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 3: 3—12. (In Russ.).
- Filin, M. V. (2007). *Protestnoye dvizheniye rossiyskogo kazachestva v usloviyakh politiki voyennogo kommunizma i ee posledstviy (1918—1922 gg.): avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Golinkov, D. L. (1978). *Krusheniye antisovetskogo podpolya v SSSR*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Grishchenko, A. N. (2009). *Antibolshevistskoye povstancheskoye dvizheniye v Donskoy oblasti v 1920—1922 godakh: avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
- Kratova, N. V. (2006). Formirovaniye povstancheskikh otryadov na territorii Kubano-Chernomorskoy oblasti v 1920—1922 gg. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*, 1: 117—129. (In Russ.).

- Krinko, E. F., Khlynina, T. V. (2009). Sovetskiy Severnyy Kavkaz: problemnyye zony otechestvennoy istoriografii. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*, 5/3: 76—82. (In Russ.).
- Kubanin, M. I. (1925). K istorii kulatskoy kontrrevolyutsii. *Na agrarnom fronte*, 7—8: 98—129. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1977). Otchet o politicheskoy deyatel'nosti TsK RKP(b). 8 marta. X syezd RKP(b). In: *Polnoye sobraniye sochineniy*, 43. Moskva. 1—127. (In Russ.).
- Nikolin, S. D. et al. (eds.). (2005). *Bez grifa «sekretno»: iz istorii organov bezopasnosti na Kubani*, 1. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'. (In Russ.).
- Perekhov, Ya. A. (1997). *Vlast' i kazachestvo: poisk soglasheniya (1920—1926 gg.)*. Rostov-na-Donu: Gefest. (In Russ.).
- Satarova, A. P., Solov'eva, S. V. (2017). Antibolshevistskiye vystupleniya v verkhovykh rayonakh Dona v 1920—1924 gg. (po materialam Khoperskogo i Ust'-Medveditskogo okrugov). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 9: 66—69. (In Russ.).
- Shanin, T., Danilov, V. P. (eds.). (1997). *Filipp Mironov. Tikhyy Don v 1917—1921 gg.: dokumenty i materialy*. Moskva: Mezhdunarodnyy fond Demokratiya. (In Russ.).
- Stepanenko, B. I. (1972). *Bor'ba s vooruzhennoy kontrrevolyutsiei na Donu i Kubani i ee razgrom (mart 1920—1922 gg.): dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
- Strelyanov (Kalabukhov), P. N. (2002). «Armiya vozrozhdeniya Rossii» generala Fostikova (mart-oktyabr' 1920 g.). *Belaya gvardiya: almanakh*, 6: 182—186. (In Russ.).
- Trifonov, I. Ya. (1960). *Ocherki istorii klassovoy bor'by v SSSR v gody nepsa (1921—1937 gg.)*, 1. Leningrad: LGU. (In Russ.).
- Yablochkina, I. V. (2000). *Retsidivy Grazhdanskoy voyny. Antigosudarstvennyye vooruzhennyye vystupleniya, povstancheskoye dvizheniye v Sovetskoy Rossii. 1921—1925 gg.* Moskva: Russkiy dom. (In Russ.).
- Zhupikova, E. F. (2004). Povstancheskoye dvizheniye na Severnom Kavkaze v 1920—1925 godakh (dokumentalnyye publikatsii i noveyshaya otechestvennaya istoriografiya). *Otechestvennaya istoriya*, 3: 159—169. (In Russ.).
- Zhupikova, E. F. (2007). Povstancheskoye dvizheniye na Severnom Kavkaze v 1920—1925 godakh. *Akademiya istoricheskikh nauk: sbornik trudov*, 1. Moskva. 189—192. (In Russ.).
- Zhupikova, E. F. (2016). *Povstancheskoye dvizheniye na Severnom Kavkaze v 1920—1925 gg.* Moskva: Novyy khronograf. (In Russ.).